

Именование регулировалось особыми наказами называть, например, «по имяню с отцы и с прозвищи». Поскольку одно и то же лицо в разных документах должно быть названо одинаковым образом, способ именования повторялся (в дозорных и сотных книгах с середины XVI в. преобладают двухкомпонентные антропонимические формулы). Эти все более или менее строгие требования побуждали составителей официальных книг выписывать третий, постоянный для семьи компонент имени, который мы теперь знаем как фамилию. Все исключения из правила тщательно анализируются и для их объяснения отыскиваются частные социально-исторические причины. Например, именование налогоплательщика хорошо отражает его социальный статус: бобылей и безземельных крестьян именовали не так, как семейных и с наделами; бывшие владельцы, не платящие налоги и не имеющие тягло, назывались более коротким способом, батраки (половники) – личным именем и прозвищем.

К несомненным достижениям книги относится применение категории модальности к антропонимии. Распространение категории с глагола и формообразования на имя и словообразование, а также прагматику номинации в тексте вполне оправдано с точки зрения функциональной грамматики. За счет этого удалось, в частности, уточнить группы субъектов, именуемых в документах при помощи антропонимов: 1) субъекты правовых и других отношений, субъекты обладания имуществом, субъекты описываемых действий; 2) субъекты знания, восприятия, речи; 3) субъекты, заверяющие подлинность документа.

Никаких особых содержательных замечаний монография не вызывает. Можно выразить сожаление по поводу излишне скромного и, так сказать, некоммерческого, нерекламного ее заглавия. Теоретические проблемы ставятся и решаются здесь настолько широко, что следовало бы содержание подзаголовка вынести в основное заглавие (например, «Категории определенности/неопределенности, поссесивности и модальности русской антропонимической номинации»), а содержание основного заглавия перенести в подзаголовок («на материале...»). Это сразу расширило бы круг потенциальных читателей книги. Очень не хватает алфавитного списка всех имен собственных, упоминаемых в работе. Это несколько снижает ее достоинства справочного характера.

В целом рецензируемая книга настолько существенно обогащает наши представления о путях и способах именования лиц в период, непосредственно предшествовавший Петровскому времени, что ее выход в свет стал крупным событием в новейшей русской филологии.

Д. Г. Демидов, канд. филол. наук, доц. кафедры русского языка
Санкт-Петербургского гос. университета

Васильева Н. В. Собственное имя в мире текста. – М.: Акад. гуманитар. исслед., 2005. – 224 с.

Книга, о которой пойдет речь, возникла как итог творческого взаимодействия двух близких наук: ономастики, исследующей собственные имена, и лингвистики текста, изучающей закономерности построения, функционирования и восприятия различных текстов. Нужно признать, что в русской ономастике в силу ряда причин эта пограничная область, определяемая кругом вопросов *имя собственное ↔ текст*, оказалась явно недостаточно разработанной. Основываясь на достижениях многих зарубежных (и в первую очередь немецких)

ономатологов¹, данная монография вносит заметный вклад в ее изучение и закладывает фундамент для дальнейших ономастических исследований.

Автором при этом выделяются три блока проблем:

1) проблемы, касающиеся введения имени в текст: выявление интродуктивных стратегий, анализ языковых средств реализации этих стратегий и разграничение типов текста в аспекте ввода ономастической информации;

2) проблемы, касающиеся функционирования имени в тексте: рассмотрение парадигматических и синтагматических связей имени в тексте, анализ распределения имен по различным текстовым зонам («микрожанрам», как вслед за А. Я. Шайкевичем называет их автор) и ономастического маркирования различных регистров повествования, изучение различных стилистических эффектов, индуцируемых именами, и т. п.;

3) проблемы, касающиеся выхода онима за пределы данного текста и возникновения интертекстуальных связей имени.

Впрочем, указав на три блока проблем, автор книги в дальнейшем полностью сосредоточивает свое внимание на первых двух, оставив круг вопросов, связанных с интертекстуальным аспектом функционирования собственных имен, в качестве перспективы дальнейшего исследования. Таким образом, в фокусе исследовательского внимания оказывается оним как лингвистическая единица, функционирующая в тексте и интерпретируемая с точки зрения реализации его функциональных отношений внутри текста. Монография включает в себя семь глав, каждая из которых освещает определенный аспект этих функциональных отношений. Достаточно логичной представляется общая композиция книги, определяемая центробежным движением авторской мысли от онима как единицы языковой системы к исследованию синтагматики и парадигматики собственного имени в тексте, когда рассмотрению последовательно подвергаются сначала отношения между ономастическими компонентами составного онима и отношения имени с его ближайшим апеллятивным окружением (микротекстология имени), а затем стратегии интродукции онима, его функциональный потенциал в целом тексте и категория безымянности как особый прием, структурирующий концептуальный план текста (макротекстология имени). В последней главе своего труда автор выходит за пределы текста и обращается к имени как единице дискурса, участвующей в речевом взаимодействии коммуникантов. Мне кажется вполне уместным в данной рецензии принять эту логику построения книги и последовательно рассмотреть ее разделы.

В первой главе, отчасти берущей на себя роль введения, делается попытка представить тезаурусную статью термина «собственное имя», обобщив в ней существующие взгляды на природу онима как единицы языковой системы. Нельзя не согласиться с автором, когда он пишет об эффективности этого типа дефиниции по отношению к такому сложному и поразному осмысляемому объекту, каким в современной лингвистике признается собственное имя. Максимально упрощая толкование термина и помещая в тезаурусную часть и комментарий к ней описание многочисленных смысловых оттенков термина и его производных, автор в лаконичной и удобной форме дает представление о лингвистической природе собственных имен и их языковом статусе. Вместе с тем упрощение дефиниции неизбежно влечет за собой увеличение и усложнение комментария к ней, на разделы которого и переносится

¹ Библиография книги включает 361 работу, 148 из которых (более 40 %) на иностранных языках. Особенно полно представлена немецкая литература по ономастике, среди которой немало работ, ставших классическими в немецкоязычных (и не только) странах, но почти неизвестных у нас. Таким образом, рецензируемая монография берет на себя дополнительную функцию – познакомить российских ономатологов с достижениями их европейских коллег.

в данном случае фокус дискуссионности. Однако нужно признать, что далеко не всегда в комментарии автором отражается дискуссионный характер отдельных параметров, неоднозначность, а порой и противоречивость их понимания исследователями. Приведу два примера, касающихся важного для понимания сущности собственных имен вопроса об отношении онима и слова.

Комментируя параметр «вид/род», автор указывает (на с. 19), что гиперонимом, реализующим онтологический род для рассматриваемого термина, является имя существительное. Тем самым собственное имя, будучи введено в частеречную парадигму, имплицитно как бы приравнивается к слову, заведомо приобретает его признаки, тогда как в определении собственного имени и далее в тезаурусной части автор сам говорит о принадлежности к собственным именам не только слов, но и словосочетаний. Более того, можно легко привести многочисленные примеры использования для индивидуализирующей номинации в русском языке также предложений (например, при назывании литературных произведений или фильмов): «Как закалялась сталь», «И дольше века длится день», «Когда деревья были большими», «Никто не хотел умирать» и т. п. В других языках подобные имена собственные, восходящие к словосочетаниям и предложениям, можно найти и среди топонимов, и среди антропонимов, и внутри прочих ономастических разрядов. Таким образом, онимом может стать практически любая языковая единица, способная к выполнению номинативной индивидуализирующей функции. Поэтому все чаще ономатологами высказываются требования осознанного и четкого разграничения понятий «слово» и «собственное имя» [см., например: Матвеев, 2004] и возражения против рассмотрения ономастики как составной части лексикологии. Думается, окончательное решение этого вопроса впереди, однако обзор различных точек зрения на отношение имени и слова, как, впрочем, и большая определенность авторской позиции в этом вопросе, увеличили бы информативность и глубину комментария.

Далее, функциональным гиперонимом для термина «собственное имя» автор предлагает считать выделяемый им вслед за Ю. С. Степановым класс «эгоцентрических слов», «которые ориентированы на “я” говорящего» (с. 19–20). Без сомнения, выделение данного класса, предлагаемое Ю. С. Степановым с общих лингвосомиотических позиций, может быть вполне продуктивным и для ономастики, но при условии решения ряда конкретных вопросов. Так, если согласиться с утверждением, что собственное имя есть разновидность эгоцентрических слов, необходимо признать, что любой оним и при любых обстоятельствах ориентирован на «я» говорящего. Но всегда ли это соответствует действительности? Ю. С. Степанов в цитируемом фрагменте своей книги ведет речь лишь о собственном имени индивида, которое «является прямым обозначением этого индивида и косвенным обозначением другого индивида... который обозначает первого» (Там же). Если распространять это мнение на онимы всех других разрядов (топонимы, эргонимы, астронимы и т. д.), то понятие личной сферы говорящего настолько расширяется, что теряет всякую определенность и, по сути, превращается в понятие индивидуальной картины мира. К примеру, когда я пишу *В сентябре 2006 года в Феодосии состоялись XIX Гриневские чтения*, я выражаю при помощи лингвистических средств (в том числе и собственных имен) свое знание о некотором факте реальности, актуальном для меня в каком-либо отношении на данный момент времени. Но можно ли на основании этого делать вывод, что топоним *Феодосия*, за которым стоит достаточно определенное и в значительной части общее для носителей русского языка представление о называемом объекте, входит в класс эгоцентрических слов? Это кажется весьма проблематичным и, во всяком случае, нуждающимся в дополнительных объяснениях; неясно, в частности, в чем именно проявляется ориентированность данного топонима на «я» говорящего и каковы критерии выявления этой ориентированности.

Если же признать, что не все онимы и далеко не всегда относятся к эгоцентрическим словам, возникает вопрос о правомерности присвоения этому классу статуса гиперонима. Здесь, мне кажется, стремление автора работы к лаконичности конструируемого тезауруса приводит к недостаточной ясности при решении поставленной проблемы.

Интересной представляется и затронутая автором во второй части данной главы проблема трактовки ономастической семантики. Справедливо подвергнув критике взгляды некоторых представителей классической и каузальной теорий референции на имя собственное и основываясь на получающем в последнее время все большее признание коммуникативно-прагматическом подходе к его функциональному описанию, автор трактует ономастическую семантику через понятие ономастической информации, под которой понимает «имеющийся (или формирующийся) у говорящего комплекс знаний о СИ (собственном имени. – А. Ф.), куда входят информация о СИ как языковой единице, информация о носителе СИ, а также ассоциации/коннотации, которыми обладает данное СИ для отдельного носителя языка и/или для данного лингвокультурного сообщества» (с. 29–30). Этот информационный комплекс, связанный у реципиента речи с конкретным именем, автор, вслед за А. Д. Шмелевым, предлагает обозначить термином «мысленное досье». Таким образом, реципиент, распознавая в тексте собственное имя и устанавливая его референцию, опирается при этом на открытое ранее или открываемое в данный момент досье. Закономерным представляется в этой связи и обращение автора к выросшей из потребностей развития искусственного интеллекта концепции Э. Ханзака, где собственные имена рассматриваются в качестве своеобразных индексов, отсылающих к закладываемой информации об уникальных объектах. Компьютерная терминология, при помощи которой в духе времени сформулирована эта концепция, опирается, в сущности, на тот же самый тезис о наличии связи между именем и соответствующим ему ментальным представлением объекта, что и концепция А. Д. Шмелева. Вообще, как бы ни называть информационный массив, стоящий за вводимым в текст онимом, и в каком бы аспекте ни рассматривать его, несомненно, что признание семантической нагруженности онима обусловлено принципиальным учетом позиций продуцента и реципиента текста, признанием за каждым из них его собственной ментальной модели мира, которые находят свое отражение в порождаемом или воспринимаемом тексте. Думается, именно исключение из рассмотрения фигур продуцента и реципиента, их ментальных миров, ориентация на обезличенную и «спрямленную» связь языка и реального мира приводила сторонников С. Крипке к тезису о семантической пустоте собственных имен.

Также интересной, хотя и нуждающейся в большей конкретизации, кажется декларируемая автором идея К. Хенгста о шести уровнях структуры текста (с. 31–33). Стоило, на мой взгляд, больше места в монографии уделить изложению ее оснований и логической структуры. Пожалуй, излишне лаконично (в пределах одного абзаца) изложено и значение данной модели для анализа поэтонимии. Если она кажется исследователю перспективной в качестве базиса для анализа собственных имен, то неплохо было бы показать, в чем именно состоит ее перспективность. Добавлю также, что данная модель, несомненно, выиграла бы в эффективности, если бы применение ее было проиллюстрировано в работе на материале различных русскоязычных текстов.

Вторая глава монографии посвящена изучению взаимодействия онима с его ближайшим контекстом, т. е. тому аспекту анализа, который автор (вполне удачно, по моему мнению) называет микротекстологией имени. В нескольких разделах этой главы рассмотрены типы и функции апеллятивных единиц, сочетающихся с ономастическими знаками в комплексные номинативные единицы, а также отношения, возникающие внутри этих единиц между апеллятивными и ономастическими компонентами. В частности, в работе на разнообразном материале показаны функции этнонимов, входящих в состав номинативных единиц и служа-

щих инструментом для различных риторических приемов; с той же точки зрения исследованы наименования лиц по профессии, так называемые маркеры вежливости (*господин, товарищ, мадам* и т. п.) и лексемы, указывающие на социальный статус носителя имени. Отдельный раздел посвящен автономному использованию собственных имен при апеллиативах, которое имеет место в случае употребления специальных сигналов такого использования *по имени, по фамилии, по кличке* и т. д. Тонкий и интересный анализ позволяет автору выявить ряд закономерностей во взаимодействии апеллиативного «конвоя» (как несколько экстравагантно, но выразительно называется в работе ближайшее апеллиативное окружение онима) и собственного имени. Так, важным и убедительным представляется вывод автора о трех возможных стратегиях подачи ономастической информации в тексте – ономастически приоритетной, медиальной и аддитивной, – который подтверждается результатами проведенного эксперимента по группировке различных апеллиативных единиц относительно онима.

Значительный раздел данной главы посвящен анализу сочетаний антропонимов с адъективами. В работе убедительно показано, что вопреки известному тезису о слабой сочетаемости адъективов с собственными именами в художественной и публицистической речи (т. е. там, где к представлению информации предъявляются требования одновременной компактности и экспрессивности) такие сочетания фиксируются регулярно. Н. В. Васильева демонстрирует разнообразие подобных именных групп, их обусловленность макроконтэкстом произведения и авторскими установками на формирование определенного отношения к номинируемому лицу. Специально ею рассмотрены лингвистические эффекты, возникающие при взаимодействии имени с прилагательным и направленные как на оним, так и на сопутствующий ему адъектив. В конце данного раздела автор приходит к выводу, что сочетания онимов с адъективами явно не нейтральны в аспекте выявления различных идиостилей и «пристрастие к определенным сочетаниям становится заметной характеристикой идиостиля» (с. 72). Соглашаясь с возможностью и необходимостью исследования подобных именных групп в указанном аспекте, отмечу все же, что без количественных данных по различным произведениям многих писателей и без сравнения их между собой сделанный вывод носит явно гипотетический характер.

Завершается вторая глава разделом, в котором анализируется эстетический эффект, возникающий при номинации героев «Диких животных сказок» Л. Петрушевской комплексными единицами, составленными из узуальных антропонимов и апеллиативных лексем, обозначающих животных. Подобные номинативные группы, по мнению автора, отражают специфику художественной реальности, формируемой данным текстом, суть которой состоит в непривычной и контрастной совмещенности двух миров – мира людей и мира животных. На основе такого слияния разнородных лингвистических и образных структур строится концептуальный план текста, а собственные имена вследствие их необычного употребления приобретают статус особого художественного приема. Здесь, таким образом, автор выходит за пределы непосредственно лингвистического описания и обращает внимание на эстетические задачи, определяющие номинацию в художественном тексте. Этот раздел стал, пожалуй, наиболее интересной частью второй главы, и остается лишь пожалеть о его некоторой иллюстративности и недостаточной развернутости. Думается, что и вся глава выиграла бы, если бы автор не ограничился констатацией обнаруженного художественного приема, а остановился подробнее на ассоциативно-образном потенциале данных номинативных единиц, способствующем эффективной реализации указанного приема. Попутно отмечу не очень точную формулировку в названии раздела («Апеллиативный идентификатор как прием»). На мой взгляд, приемом в данном случае следует считать не употребление апеллиатива в составе номинативной единицы, а, скорее, нетривиальное использование онима в отношении нетипичного объекта художественного мира. Иными словами, правильнее было бы говорить о том, что приемом

в данном тексте является конструирование и использование автором в тексте номинативной единицы в ее совокупности, так как именно контрастное сочетание ее компонентов, собственно, и приводит к эффекту совмещенности миров.

В целом вторая глава монографии дает обширный материал для осмысления той взаимозависимости, которая, безусловно, существует между единицами лексического и концептуального уровней текста и которая нередко остается без внимания специалистов по литературной ономастике, обращающихся непосредственно к парадигматике онимов, игнорируя их синтагматические связи.

Из немногочисленных и не носящих принципиального характера замечаний ко второй главе выскажу лишь одно. Мне не кажется удачным выбор термина «идентификатор» для обозначения апеллятивного компонента комплексной номинативной единицы. Дело в том, что он способствует созданию ложного впечатления, будто функция идентификации, свойственная подобной единице, реализуется в первую очередь через нарицательное существительное, в то время как оним остается к этому неприсяжным. Действительно, если мы вслед за автором называем апеллятив *девочка* в составе номинативной единицы *девочка Маши* идентификатором, то тем самым приписываем ему идентифицирующую значимость, позволяющую отграничить в разных ситуациях обозначенное лицо от *Маши*, не являющейся девочкой; однако наш языковой опыт подсказывает, что гораздо чаще подобная единица, идентифицируя конкретное лицо, отличает его от девочки Кати, девочки Юли и т. д. Иначе говоря, главным идентификатором лица в составе подобных комплексных единиц является все же оним, а не апеллятив, у которого совсем другая задача: он вводит предмет в класс ему подобных предметов. Функция идентификации, вытекающая из самой лингвистической природы собственного имени, является важнейшей прежде всего для онима, и не случайно Н. Д. Арутюнова называет собственные имена идеальными идентификаторами [см.: Арутюнова, 2003, 336]. Поэтому, на мой взгляд, более точными представляются другие термины для обозначения нарицательных элементов апеллятивно-ономастического комплекса, которые перечисляются в работе (квалификатор, классификатор, именной атрибут и т. п.).

Объектом исследования в третьей главе является такая типичная для ономастической системы русского языка единица, как составной антропоним. В работе рассматриваются особые отношения, складывающиеся между его компонентами и обуславливающие промежуточное положение подобных имен между словосочетаниями и сложными словами. Постулируя взгляд на составной антропоним как на микротекст, автор фиксирует определенный нормативный порядок его развертывания и объясняет отдельные случаи отклонения от этого порядка, вызванные различными психологическими и прагматическими факторами. Автором в связи с этим сравниваются различные способы оформления антропонимов в библиографических списках, принятые в России и Германии, на основании чего делается вывод, что «данное имя хранится в “мысленном досье” говорящего в виде определенной формулы, в которой последовательность компонентов, а также их количество не нейтральны» (с. 84). Рассмотрены в книге Н. В. Васильевой и современные процессы, ведущие к модификации традиционной для русской культуры трехчленной формулы антропонима: процесс редукции этой формулы и трансформации отдельных ее компонентов, а также появление новых, невозможных ранее антропонимических формул. Завершается третья глава разделом «Формула имени как прием», где дан анализ стилистического использования различных антропонимических формул в художественных текстах и наглядно продемонстрирован их текстообразующий потенциал.

На мой взгляд, одной из важнейших и одновременно одной из наиболее удачных глав в книге является ее четвертая глава «Макротекстология имени: ономастические стратегии интродукции». Автор совершенно справедливо утверждает, что «интродукция имени

представляет собой одну из главных макротекстологических задач, поскольку во многом определяет дальнейшее существование имени в тексте». В книге так сформулированы важнейшие вопросы, возникающие в связи с интродукцией онима в художественном тексте: как соотносится введение имени и введение персонажа? как соотносится интродукция и упоминание имени? каким образом слово распознается адресатом как имя?

Отвечая на первый и второй вопросы, автор выделяет пять возможных текстовых стратегий ономастической интродукции: комплексная интродукция, имеющая место при одновременном введении имени и персонажа; ономастическая антиципация, возникающая при введении имени, опережающем введение персонажа; ономастическая ретардация, проявляющаяся при опережающем имя введении персонажа; ситуация упоминания имени без введения в текст номинируемого персонажа и ситуация безымянности вводимого персонажа, возникающая в случае отказа от введения его имени. Для апробации предлагаемого подхода в книге предпринят анализ начала повести Л. Н. Толстого «Казачья», в ходе которого на конкретном материале продемонстрирована эффективность данного подхода к ономастике художественного текста. Ответу на третий поставленный вопрос посвящен специальный раздел «Проприальные сигналы и имяпорождающие контексты», где исследуются различные механизмы, приводящие к осознанию читателем ономастического характера текстовой единицы. На ряде примеров автор показывает, как происходит и как осознается читателем онимизация апеллятивов, как осуществляется семантическое «раздвоение» имени на оним и формально тождественный ему апеллятив и каким образом опознаются в тексте трансонимизированные (т. е. переведенные в иной ономастический разряд) собственные имена.

Весьма содержательной является и пятая глава книги «Макротекстология имени: функции собственных имен в художественных текстах». Нельзя не согласиться с автором, когда он указывает на парадоксальный факт: очень большое количество работ (начиная с самых ранних публикаций по литературной ономастике [см.: Каценеленбоген, 1950; Привалова, 1952; Михайлов, 1956]), выполненных на достаточно обширном материале, не привело тем не менее к выработке непротиворечивой и в то же время достаточно полной классификации выделяемых функций. Необходимо признать, что в настоящее время потребность в упорядочении накопленных знаний в этой области весьма велика.

Н. В. Васильева предлагает в качестве «законченной и целостной» классификацию функций литературного онима, созданную Д. Лампингом. По ее мнению, этот немецкий ученый разработал «универсальную и стройную классификацию, исходящую из специфического нарративного способа осмысления мира» (с. 131). Безусловно, сам факт знакомства российских ономастологов с данной классификацией, которая, по утверждению автора книги, «заняла достойное место в библиографических списках и стала ... *conditio sine qua non* публикаций по литературной ономастике в немецкоязычных странах» (Там же), не может не радовать. В этом отношении следует признать несомненную заслугу Н. В. Васильевой, которая не только изложила основные принципы предлагаемой классификации, но и показала ее работоспособность на русскоязычном материале, подтвердив в какой-то мере ее универсальный характер. Нет никакого сомнения, что классификация Д. Лампинга способна войти в арсенал русской литературной ономастики и быть задействованной в дальнейшем исследовании функционального потенциала литературных онимов.

Вместе с тем приходится констатировать, что ряд важных моментов, имеющих прямое отношение к поставленной проблеме и заслуживающих подробного рассмотрения, оказался обойденным в авторском комментарии к этой классификации. Прежде всего это касается самого понятия «функция», которое в науке допускает различные трактовки. Часто под функцией понимают определенное отношение, зависимость некоторой величины от другой — такое понимание термина обычно, например, в математике, встречается оно и в лингвистике.

тических работах. Однако чаще под функцией той или иной лингвистической единицы понимают задачу, решаемую с ее помощью, ту роль, которую она играет в языковой системе, тексте или дискурсе. Можно предполагать, что именно в этом значении используется термин «функция» у Д. Лампинга, впрочем, никаких внятных комментариев по этому поводу в главе не дается. Далее, Н. В. Васильева утверждает, что классификация функций Д. Лампинга учитывает разграничение трех аспектов повествования: «технического», определяющего выбор различных нарративных стратегий, эстетического, обеспечивающего эстетическое воздействие текста на читателя, и тематического, формирующего «способность нарратива быть носителем определенного содержания и идеи» (с. 131). В работе, однако, никак не оговариваются те основания, на которых производится выделение указанных аспектов, и их отношение друг к другу, без чего трудно в полной мере усвоить сущность постулируемых аспектов. Еще более существенным представляется отсутствие объяснений по поводу того, как выделяемые семь функций вытекают из указанных трех аспектов повествования. Читателю приходится принимать (или не принимать) на веру логическую обусловленность их выявления, что отнюдь не увеличивает степени убедительности предложенной классификации. Сосредоточившись на фактографической стороне концепции Д. Лампинга, автор книги мало внимания уделил ее логическому «каркасу» и предоставил читателю возможность самому заполнить смысловые лакуны при ее усвоении. Все это приводит к тому, что цельность (т. е. последовательность, внутренняя непротиворечивость) классификации в какой-то мере оказывается под вопросом.

Что касается ее законченности, то и это заявленное достоинство отнюдь не бесспорно: действительно, если под законченностью классификации понимать законченность, закрытость списка называемых функций (а как еще можно понимать данное свойство?), то автор сам демонстрирует возможность пополнения перечня функций, добавляя к перечисленным у Д. Лампинга еще одну функцию, которую он называет деконструктивной. Более того, в заключении к пятой главе автор замечает: «Итак, добавляя еще одну функцию в классификацию Лампинга... мы не ставим точку в списке функций СИ в художественных текстах» (с. 149). И в самом деле, указанный перечень вполне может быть расширен за счет введения новых функций, которые не всегда легко поместить в какую-либо из рубрик Д. Лампинга (во всяком случае, в том их виде, в каком они истолкованы в главе). Кроме интертекстуальной функции, связанной с осуществлением отсылки к иному тексту, о которой мимоходом упоминается в работе, можно указать номинативную функцию, в соответствии с которой выделяются аппеллятивная, ономастическая и прономинальная (местоименная) номинация [см., например: Гак, 1977; Гореликова, Магомедова, 1989], хронологическую функцию, связанную с маркированием хронотопа художественного мира, и ряд других. В результате приходится все же согласиться с В. М. Калинин, цитату из монографии которого приводит Н. В. Васильева, в том, что «законченной целостной классификации, распределяющей функции по таксономическим рубрикам в соответствии с принципами, вытекающими из специфики онимов художественных произведений, в настоящее время нет» (с. 130).

Можно, пожалуй, даже высказать осторожное сомнение в возможности такой законченной классификации и построения строго конечного таксономического списка, поскольку понимание функции онима как общей задачи, выполняемой именем в художественном тексте, приводит к возможности дробления или, наоборот, укрупнения функций в соответствии с целью анализа, аспектами и методами исследования. Скажем, функцию идентификации, основанную на способности имени идентифицировать его носителя в различных контекстах, можно разложить на две, добавив дифференцирующую функцию, так как идентификация объекта художественного мира совершенно немыслима без осознания его отличия от иных объектов. Можно разложить идентифицирующую функцию и на три частных

функции, рассмотрев отдельно индивидуализирующую функцию, посредством которой оним указывает на уникальность номинируемого объекта. Выявлять ли одну комплексную, две или же три тесно связанные между собой функции в подобных случаях решает исследователь, тем более что литературный оним, как справедливо пишет автор, в силу своей природы принципиально полифункционален. Количество выявляемых функций, если так можно выразиться, зависит от настройки окуляра, через который исследователь смотрит на изучаемый объект.

Можно было бы, думается, высказать и некоторые другие претензии к содержанию данной главы. Порой комментариям автора не хватает развернутости, большей аргументированности, так сказать, проработанности. Это касается как объяснений, относящихся к функциям Д. Лампинга, так и оснований, на которых автором выделяется оригинальная деконструктивная функция. В первом случае особенно не «повезло» эстетической и мифологической функциям, характеристике последней посвящен лишь маленький абзац. Во втором случае, довольно убедительно показав зависимость некоторых имен в произведениях В. Нарбиковой от общих принципов построения художественного мира в постмодернистской литературе (иными словами, рассмотрев функцию онимов в одном из толкований термина), Н. В. Васильева, на мой взгляд, явно недостаточно сосредоточилась на том воздействии, которое оказывают «деконструктивные» онимы на деконструкцию самой художественной реальности (в соответствии с другим пониманием функции). Если проявление деконструктивной функции онимов автор видит в самом принципе деформации «культурно значимых имен», то подобная деформация имела место и у писателей, не связанных с поэтикой постмодернизма: можно вспомнить хотя бы фамилию *Толстоевский*, которой Ильф и Петров подписывали свои фельетоны, а еще ранее многочисленные случаи деформации фамилий литературных противников у поэтов пушкинской поры. Да и сам автор признает, что «деконструктивная функция на ономастическом уровне может иметь разные выражения» (с. 148, сноска 19). Если же дело в том, что «обретшие такую форму имена сами становятся проводниками деконструкции (чего? – А. Ф.) в странном и для реалистически настроенного читательского сознания весьма трудном и неудобном... повествовательном мире» (с. 148–149), то весьма деформированный и искаженный по сравнению с реальным мир (изображаемый в том числе и посредством нарочито окказиональных онимов) мы находим, например, в «Мойдодыре» К. Чуковского, где сталкиваемся с бегающим хромым умывальником, прогуливающимся по улице крокодилом и другими, мягко говоря, необычными персонажами и событиями. Вряд ли данное произведение, однако, стоит причислять на этом основании к постмодернистским, присуща ли в таком случае функция деконструкции подобным онимам, остается неясным.

В чем же именно проявляется деконструктивное воздействие собственных имен на художественный мир, находящее свое воплощение в специально выделяемой деконструктивной функции? На мой взгляд, в книге этот вопрос так и остался без четкого ответа. Пафос всего вышеизложенного, однако, вовсе не в том, чтобы категорически возразить против выявления данной функции, а в том, что она, в случае ее выявления, должна быть подробно описана с точки зрения тех оснований, на которых она выделяется, с точки зрения ее места в таксономии ономастических функций и, наконец, с точки зрения механизмов ее реализации в ономастических единицах текста.

Перечисленные соображения делают пятую главу одним из наиболее дискуссионных разделов книги Н. В. Васильевой. В то же время сама дискуссионность ее носит позитивный характер, побуждая к поиску своего взгляда на кардинальную проблему полифункциональности литературного онима. Степень насыщенности данного раздела полезной информацией весьма велика, а в спорах рождается истина – поэтому можно только приветствовать попытку автора разобраться в сложном вопросе, давно привлекающем внимание ономатологов.

Несомненна оригинальность шестой главы книги, где анализу подвергается категория безымянности и ее отношение к имени в художественном тексте. Исследуя ономастику литературных произведений, лингвисты довольно редко обращались к изучению случаев отсутствия в текстах собственных имен. Вероятно, это обстоятельство закономерно: литературная ономастика начиналась с постепенного осознания существенной роли имени в структурах художественного текста, что требовало выделения онима из арсенала прочих лингвистических и эстетических средств. Лишь после накопления и усвоения разнообразного материала и формирования методологических основ литературной ономастики могло прийти понимание того, что значимостью обладает не только факт наличия имени в тексте, но и факт его отсутствия. Нельзя не согласиться с автором книги в том, что категория безымянности по праву принадлежит к числу текстовых феноменов, подлежащих изучению в рамках области *имя ↔ текст*. В самом деле, если читатель не находит имени собственного там, где оно в соответствии со сложившейся нормой, традицией или, по крайней мере, тенденцией должно появиться, такое отсутствие приобретает статус стилистического минус-приема и требует интерпретации со стороны исследователя. Автор произведения может акцентировать как введение в текст того или иного онима, так и отсутствие в нем ономастического знака для выражения концептуально значимых смыслов.

Новым и весьма важным представляется разграничение в работе трех различных ипостасей безымянности: безымянность как неимение имени, безымянность как незнание имени и безымянность как анонимность, т. е. сокрытие имени. Отмечу, что безымянность рассматривается в книге в качестве динамической, а не статически заданной категории, что предполагает выявление различных типов отношений, возникающих между безымянностью и именем в процессе развертывания текста. Автор выделяет шесть возможных типов таких отношений, которые, в сущности, являются текстовыми стратегиями художественного использования категории безымянности, и иллюстрирует их примерами из романов М. Кундеры. В соответствии с этим подходом интерпретируются и текстовые ситуации, в которых проявляется взаимодействие имени и безымянности (акт наречения именем, текстовая интродукция персонажа, авторское утаивание имени с последующим его раскрытием и т. д.). Динамический подход к данной категории потребовал от исследователя выделения в тексте особых точек безымянности, т. е. таких моментов повествования, когда персонаж теряет или обретает имя. Тонкий анализ предлагаемых отрывков произведений с фиксацией разнообразных приемов функционирования онимов убедительно подтверждает правомерность и значимость выявления подобных нарративных элементов. Хотя по непонятной причине вместо заявленных трех (с. 167) в книге анализируется лишь два фрагмента из текстов М. Кундеры, оба примера не оставляют сомнений в обоснованности предлагаемого подхода к изучению безымянности как одной из конституирующих нарративную структуру текста категорий.

Мне кажется, что основное значение данной главы состоит в том, что она намечает направления дальнейшего изучения широкого круга проблем, связанных с безымянностью в художественном тексте.

Несколько обособленной в книге выглядит последняя глава «Личная сфера говорящего и употребление антропонимов». Дело в том, что в ней автор, меняя перспективу своего исследования, выходит за пределы текста и рассматривает собственные имена не в соотношении с текстовыми категориями и структурами, а в соотношении с языковыми, дискурсивно обусловленными формами. Для этого используются базовые понятия личных сфер говорящего, героя и адресата. Введение этих понятий делает возможным рассмотрение различных операций с именем, на основе которых в дискурсе осуществляются процессы воздействия говорящего на реципиента. К числу таких процессов автор относит включение адресата в личную сферу говорящего, исключение адресата из нее, втягивание имени в свою личную

сферу вопреки этическим и коммуникативным нормам (акты «ономастической контрабанды», как выразительно называются эти речевые манипуляции в работе), «временное покидание» своей личной сферы говорящим, вторжение в личную сферу адресата и некоторые другие. В последнем разделе этой главы, пожалуй, в наибольшей степени отклоняющемся от основного направления книги, изучению подвергаются собственные имена жаргона. Они-мья исследуется здесь не в системе текста и даже не в дискурсе, а в рамках особой подсистемы русского языка, где они-мья и ономастические словообразовательные модели проявляют большую активность (и это наглядно показано в работе). В целом данная глава, насыщенная богатым конкретным материалом, представляет немалый интерес для специалистов, исследующих роль ономастики в процессах речевой коммуникации. Вместе с тем позволю себе высказать несколько соображений, непосредственно касающихся ее содержания.

Название главы, вполне соответствующее основной ее части, представляется не совсем точным в отношении последнего параграфа, поскольку в нем исследуются не только антропонимические и квазиантропонимические единицы и модели, значительное место занимает рассмотрение топонимов и квазитопонимических образований жаргона.

Новое понимание термина «трансонимизация», предложенное автором (с. 174–175), мне не кажется удачным. Обозначение им совершенно иного по сути своей процесса (едва ли не противоположного, как показывает автор, обычному пониманию трансонимизации), когда вместо константности имени при переменном референте он начинает указывать на константность референта варьирующих имен, вряд ли рационально, так как влечет за собой потребность каждый раз оговаривать смысл используемого термина. Это наглядно демонстрирует и текст самой работы, где автор вынужден каждый раз сопровождать употребление термина «трансонимизация» соответствующим дифференциатором (*трансонимизация*₁ ‘переход онима из одного разряда в другой’ и *трансонимизация*₂ ‘появление параллельного названия у одного и того же референта’). Закономерным результатом принятия нового смысла термина может стать путаница в его использовании. Не выглядит сколько-нибудь убедительной и ссылка на традицию подобного употребления слова: вряд ли можно рассматривать как свидетельство прочной традиции единичный пример упоминания его в работе [Ушаков, 1978] (отсутствующей, кстати, по непонятным причинам в библиографическом списке), пусть даже со ссылкой на Н. И. Толстого. Вдобавок, понимание автором этого слова как родового термина для различных типов переименований шире, чем его понимание в вышеназванной работе, где он применяется к неофициальному именованию объекта.

Автор весьма широко трактует понятие «переименование», которое, в сущности, равнозначно для него возникновению нового имени. Это позволяет ему сделать вывод о том, что «можно назвать целые речевые практики, где процесс переименования... является доминирующим» (с. 176). К таковым он относит жаргон. Под одним термином, таким образом, объединяются весьма разные по своим задачам процессы создания и введения в узус новых лексем. Не разумнее ли развести понятия переименования (т. е. создания названия с целью замены предыдущего, вытеснения его из языка и речи) и создания параллельного названия, не претендующего на вытеснение прежнего?

Действительно, когда город вместо названия *Екатеринбург* в советское время получает название *Свердловск*, такое название претендует на нормативность, ибо с самого начала оно создается в качестве нормы, как единственно правильное название объекта, отменяющее собой старое наименование. Прежний оним в этом случае заведомо неравноправен с новым и воспринимается как знак прошлого состояния объекта. Один из онимов постепенно вытесняется из сферы употребления, и конкуренция названий может осуществляться какое-то время в речи за счет инерции языка и сознания, затем чаще всего прежнее название окончательно утрачивается или же закрепляется в более узкой сфере бытования. Так и про-

изошло с топонимом *Екатеринбург*, пока смена идеологических установок в обществе не «воскресила» его в качестве общепринятого названия города. Совершенно иначе и с иной целью возникают жаргонные названия. Скажем, жаргонное название Екатеринбурга *Катер* очевидным образом возникло на основе его официального названия. С самого начала оно складывалось как параллельное ему, обслуживающее узкую сферу жаргона и не претендующее на вытеснение официального топонима. Носитель жаргона легко оперирует и тем, и другим, избирая необходимый ему топоним в зависимости от условий коммуникации. Строго говоря, переименования как такового здесь нет, а есть создание нового названия, функционирующего в языке (в другой его подсистеме) наряду с прежним.

Вызывает определенные возражения рассмотрение «онимических фантомов» (термин Н. В. Васильевой) как полностью пустых, лишенных денотативного и коннотативного содержания форм. По утверждению автора, «данный вид ИС (имени собственного. – А. Ф.) представляет собой своеобразный онимический кенотаф: имя (= форма) есть, денотация/коннотация (содержание) отсутствуют» (с. 185). К таким пустым онимам автор относит собственные имена *Африка*, *Крым*, *Пушкин*, *Буденный*, *Ленин*, *Штирлиц* и некоторые другие. При этом неясно, как, за счет чего, лишенные денотативного и коннотативного содержания, эти онимы могут нести «большую страноведческую нагрузку» и к тому же «интерпретировать эпоху» (с. 186–187). Мне кажется, что все приведенные в книге примеры свидетельствуют как раз о сохранении ими некоторых компонентов денотативного и тем более коннотативного значения после отрыва имени от первоначального референта. Скажем, имя собственное в приветствии «Здравствуй, лошадь, я Буденный!» для любого мало-мальски осведомленного в истории России человека формирует представление о колоритной фигуре командарма. На этом, собственно, и основан комический потенциал данного приветствия, который вряд ли мог бы возникнуть вне данного представления. Так, стоит заменить фамилию *Буденный* на другую (к примеру, *Щорс* или *Фрунзе*), как этот комизм будет полностью утрачен. Не случайно в перечень онимических фантомов попадают в основном широко известные антропонимы из числа прецедентных, служащие знаками бытующих в культурном пространстве и подвергаемых ироническому переосмыслению идеологических мифов. Что касается топонимов, то и они обозначают общеизвестные объекты, представление о которых сохраняется при восприятии фразеологизма. Например, фраза «Еврей он и в Африке еврей» акцентирует несоответствие субъекта и локуса (что еврею делать в Африке?) и теряет этот смысл при замене топонима на название *Россия* или *Израиль*. Можно ли считать, что собственное имя *Африка* перестает в данном фразеологизме выражать представление о «черном континенте» и возбуждать устойчивые ассоциации, с ним связанные (жаркий климат, бедное и эксплуатируемое население и т. п.) и контрастирующие с этническим стереотипом еврея, сложившимся в русском языке? Мне это кажется сомнительным.

Более подробный анализ подобных онимов в составе их микроконтекстов (которые являются, в сущности, микротекстами) помог бы, по моему мнению, обнаружить содержание, стоящее за онимами, и привести к важным выводам о процессах трансформации концептуальной картины мира, происходящих сегодня у наших соотечественников.

Этот ряд замечаний можно было бы продолжить некоторыми более мелкими. Почему, например, исследуя «изменение в частеречной принадлежности слова» (с. 189) автор относит лексемы *Копенгаген* («я в этом не Копенгаген») и *готовчук* («бутылка готовчук») к квазионимам-вербоидам, если мотивирующие их лексемы *компетентен* и *готова* относятся не к глаголам, а к прилагательным? Почему, например, говоря об игровой функции и «людической направленности» жаргона, автор при этом избегает и уместного здесь термина «языковая игра», и, главное, исследования онимов в соответствующем аспекте, хотя материал, безусловно, дает для этого прекрасную возможность?

Впрочем, сделанные замечания не меняют общего положительного впечатления от книги. На мой взгляд, автору удалось в ней показать, в каком направлении движутся современные исследования ономастических единиц в тексте и какие результаты получены ономатологами на этом пути. В этом смысле сам эссеистический принцип композиции книги, осязаемая «мозаичность» ее содержания отражают ту стадию, на которой находится изучение данной научной области. Множественность поставленных в монографии проблем свидетельствует одновременно и об активном развитии литературной ономастики, и о растущей потребности ее в генерализующем подходе, который мог бы объединить на общей теоретической основе разные методики исследования конкретного материала.

В заключение хотелось бы ко многим достоинствам данного труда прибавить еще одно. К сожалению, в настоящее время выходит не так уж мало работ, в которых нарочитая затрудненность, запутанность языка прямо пропорциональна скудости их содержания. Излагая тривиальные мысли усложненным, избыточным модными терминами языком, их авторы маскируют банальность собственных рассуждений. Показательно, что в рецензиях эта (немаловажная!) сторона работы исследователя зачастую обходится молчанием. В противоположность им, книга, написанная Н. В. Васильевой, хороша не только своей информативностью, так сказать, «планом содержания», но и «планом выражения». Будучи написана ясным (но не упрощенным!), точным, логичным, я бы даже сказал, изящным слогом, она легко читается, поскольку выразительная речь автора всюду подчинена движению исследовательской мысли и никогда не становится заманчивой самоцелью. Потому и сама эта мысль легко и свободно увлекает читателя за собой и позволяет ему оценить в тексте не словесные манипуляции и звонкие термины, а то, что пристало серьезной работе – строгую логику научного поиска.

Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). 3-е изд., стереотип. М., 2003.

Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977.

Гореликова М. И., Магомедова Д. М. Лингвистический анализ художественного текста. М., 1989.

Каценеленбоген М. Г. Функции собственных имен в сказках М. Е. Салтыкова-Щедрина // Русский язык в школе. М., 1950. № 1. С. 8–15.

Матвеев А. К. Апология имени // Вопр. ономастики. Екатеринбург, 2004. № 1. С. 7–13.

Михайлов В. Н. Собственные имена персонажей русской художественной литературы XVIII и первой половины XIX в., их функции и словообразование: Автореф. на соиск. ... канд. филол. наук. М., 1956.

Привалова М. И. Функции личных имен и фамилий в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина // Уч. зап. Ленингр. ун-та. Сер. филол. наук. Л., 1952. № 161. Вып. 18. С. 129–148.

А. А. Фомин, канд. филол. наук,
доц. кафедры русского языка и общего языкознания
Уральского гос. университета им. А. М. Горького
(Екатеринбург)